

Сяо Цзян занимался морской торговлей в открытых морях, повсюду создавал логистические компании, арендовал порты по всему периметру, но в итоге несколько стран под разными предложениями отказались продлевать с ним контракты.

Поэтому Сяо Цзян был вынужден прибегнуть к вторичной аренде, то есть передать права на аренду портов другим компаниям внутри страны, чтобы те могли арендовать порты и обеспечивать бесперебойную торговлю. Вэнь Юн, уловив этот момент, наконец смог заключить контракт на эту линию. Иначе, сколько бы Бань Цзюней ни отправляли, это бы не помогло — тут решало нечто большее, чем просто грубая сила.

Однако внутри страны Сяо Цзян оставался настолько могущественным, что его было практически невозможно поколебать. Возьмем, к примеру, город Гуми — место, уступающее только Гуансэню, где повсюду были предприятия Сяо Цзяна. От отелей, магазинов и развлекательных заведений до жилых кварталов, школ и заводов. Даже в киногороде Гуми у Сяо Цзяна была значительная доля акций.

Ранее уже говорили, что если Сяо Цзян уделит кому-то несколько минут внимания, то этот молодой человек обязательно станет знаменитым.

А жил Сяо Цзян рядом с киногородом, в богатом районе Гуми.

Раньше, когда Бань Цзюнь работал водителем, он бывал здесь несколько раз. Но каждый раз ему приходилось ждать в машине, наблюдая за изысканными домами и роскошными автомобилями, припаркованными у ворот. Снаружи были богачи в мятых рубашках и молодые люди, которые почти ничего не носили, а внутри машины сидели такие, как Бань Цзюнь, несчастные, коротающие время с сигаретами.

Когда их машина замедлила ход у одного из особняков, Бань Цзюнь узнал дом Сяо Цзяна. Тот вышел и, подзвав Бань Цзюня, сказал своему помощнику:

— Проведи его, найди место для жилья.

В тот момент Бань Цзюнь подумал, что наконец сможет увидеть всю эту роскошь изнутри и поселиться в этом богатом районе вместе с другими охранниками. Но помощник остановил Бань Цзюня, который собирался следовать за Сяо Цзянем:

— Ты куда? Садись в машину.

Бань Цзюнь вернулся на пассажирское сиденье.

Сяо Цзян исчез за массивной деревянной дверью.

* * *

Он опустился на колени на грубый песок.

Палящее солнце обжигало мальчика, вкопанного в песок, пот стекал по линиям крови.

Группа теней приблизилась к нему, закрывая свет. Тряпку вытащили изо рта, а подбородок подняли.

Пришедшие говорили на непонятном ему языке, тихо обсуждая что-то. Винтовки на их плечах отражали свет. Стволы блестели, словно только что смазанные, и даже можно было почувствовать запах новизны. Ремни с патронами лежали на другом плече, словно изысканные и холодные кружева.

Слезы мальчика высохли, поэтому он мог только шептать потрескавшимися губами.

— Отпустите меня... пожалуйста, отпустите меня.

Один из них подошел, вытащил кинжал из-за пояса. Блестящее лезвие заставило мальчика закрыть глаза, и он почувствовал легкий холодок на шее.

Острие кинжала скользнуло вниз, следуя за линиями на груди. Непонятная речь снова была по барабанным перепонкам, горячо споря об узоре, вырезанном лезвием.

Но их обсуждение не привело к результату, поэтому лезвие продолжало скользить по его груди.

Однако оно не вернулось к шее, потому что другой человек в маске подошел. Он опустил лезвие, внимательно разглядывая мальчика.

Мужчина сжал его щеку, проверяя, не выпал ли язык.

Затем он неуверенно спросил на языке Северных Равнин:

— Откуда ты?

Сердце мальчика замерло. Он был с реки Чёрных Скал... или нет. Он был из Северных Равнин... или нет. Его нанял Юнцзэ... или нет. Он не мог сказать правду, но должен был дать правильный ответ.

Но он не знал, какой ответ был правильным, поэтому не мог ответить.

Слезы наконец потекли, стекая по его щекам. Казалось, они коснулись суставов мужчины,

погрузившись в линии, покрытые пороховой сажой.

Мужчина отпустил его, и лезвие снова приблизилось. Оно обошло запястье и перерезало толстую верёвку.

Мальчик понял одно слово — «ребёнок».

Мальчик опустился на колени на грубый песок, на линии, по которым текла его кровь. Колени пронзила острая боль, но он, не раздумывая, схватился за лодыжку мужчины.

Он прижал голову к носку ботинка, они всё ещё говорили на непонятном языке. Поэтому он мог только плакать, заливая ботинок слезами, которые потом неуклюже вытирал.

Когда ботинок мужчины освободился из его рук, двое подняли мальчика. Флягу открыли, и вода полилась на его голову. Он жадно глотал, облизывая каждую каплю, упавшую на пальцы.

В конце концов его бросили на спину лошади, и они медленно поехали по этой пустынной и дикой местности.

На седле был красивый узор, изображающий зелёный герб.

Слезы мальчика впитались в герб, который, казалось, был самым красивым узором, который он видел в своей юности.

* * *

Бань Цзюня поселили в старом районе города Гуми, и, увидев дом, он не знал, смеяться ему или плакать.

Не говоря уже о том, что он работал с Вэнь Юном уже шесть лет, даже когда он только начал работать с ним, он мог жить в районе рядом с Вэнь Юном вместе с другими помощниками. Возможно, он был новичком, и ему не доверяли, поэтому его не пускали близко к Сяо Цзяню. Но он мог бы хотя бы быть водителем, он не верил, что водитель Сяо Цзяня живёт на другом конце города.

Помощник, который устроил Бань Цзюня, был мужчиной лет тридцати с лишним, по прозвищу Старина Су. На его лице был шрам, словно его выжгли раскалённым железом.

Хотя он был намного моложе Бань Цзюня, его высокомерие по отношению к нему не знало границ. Он бросил ключи Бань Цзюню:

— Вечером к тебе зайдут люди с соседней улицы, разберись с несколькими просроченными

долгами. В остальное время осваивайся.

Бань Цзюнь взял ключи, обдумал слова этого человека и оглядел комнату, где даже цвет занавесок был настолько грязным, что его нельзя было разглядеть, и холодно сказал:

— Я здесь не для того, чтобы заниматься такой ерундой.

— Тогда не делай. — Старина Су открыл занавески, и они увидели трущобы снаружи.

Они были похожи на сложенные друг на друга коробки из-под спичек, а люди — на муравьёв, снующих между ними.

Днём здесь был рынок, а ночью — ночной рынок, соседний район красных фонарей был заполнен магазинами секс-товаров, парикмахерскими и маленькими отелями. Более приличные игорные дома находились на расстоянии нескольких улиц, что полностью изолировало Бань Цзюня.

— Думаю, господин Сяо, возможно, ошибся, — Бань Цзюнь отшвырнул ногой бутылку из-под вина, которая покатила мимо нескольких завязанных презервативов и остановилась рядом с разбитой пробиркой. — Я много лет работал на господина Вэня. Если мне поручат такое, то, возможно...

— Я сказал, тогда не делай. — Старина Су даже не стал слушать до конца и прервал его.

Бань Цзюнь улыбнулся. Враждебность Старины Су была очевидна, и, если Бань Цзюнь не ошибался, в его глазах были не только презрение и недовольство, но и сильная ненависть.

Бань Цзюнь не имел с ним никаких связей, они лишь встречались, когда оба отвозили своих боссов на собрания, и даже жили по соседству. Но они никогда не разговаривали, а Старина Су, похоже, презирал всех, кто не был подчинённым Юй Чэ или Сяо Цзяна.

Первая мысль Бань Цзюня была о том, что этот человек считает его шпионом Вэнь Юна, и это объясняет его враждебность. Это было похоже на то, как Сяо Цзян изолировал его, чтобы убедиться, что он действительно сменил сторону, прежде чем использовать его.

Однако, когда Старина Су небрежно сказал, что это место можно привести в порядок, и зазвонил телефон, Бань Цзюнь понял, что его враждебность исходила не только из того, что он был человеком Вэнь Юна.

Телефон был от Сяо Цзяна, и по тому, как Старина Су ответил «Вожак», было понятно, что он быстро вышел на маленький балкон и сменил тон.

Бань Цзюнь, конечно, не последовал за ним, но слышал отрывки вроде «я не против», «я знаю,

тебе это нравится», «я пойду с тобой» и «живи с ними в общежитии».

Старина Су лгал Сяо Цзяню. Бань Цзюнь должен был жить в общежитии.

Бань Цзюнь смахнул старые газеты со стола, подняв облако пыли, в которой были крошки хлеба. Он взял грязный пульт, но телевизор не включался. В отчаянии он постучал по телевизору, и снова в нос ударила густая пыль.

<http://bllate.org/book/15264/1347043>